

Владимир Макарченко

Путь Избранного

Фэнтези

Владимир Макарченко

Путь Избранного. Фэнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22059051

ISBN 9785448340284

Аннотация

– Веды мы, сынок. – Похлопав внука по плечу своей еще налитой силой ладонью, старый Кремень присел рядом на лежавшие стопкой на земляном полу шкуры лесных туров. – Это о многом может сказать, коли призадуматься всерьез. Помнишь, от кого начались жизни пращуров наших?

Содержание

Книга первая. Избранный	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Путь Избранного Фэнтези

Владимир Макарченко

© Владимир Макарченко, 2016

ISBN 978-5-4483-4028-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Избранный

Глава 1

– Веды мы, сынок. – Похлопав внука по плечу своей еще налитой силой ладонью старый Кремень, присел рядом на лежавшие стопкой на земляном полу шкуры лесных туров. – Это о многом может сказать, коли призадуматься все-рьез. Помнишь от кого начались жизни пращуров наших?

– Все помню дедушка! Сколь раз ты мне еще в детстве это втолковывал. Великий Род в те далекие времена полюбил простую смертную, которая и родила ему трех сыновей. Звалась та его любовь Ведой. Дети их были полубоги. Нельзя богам получить от смертных себе подобных. Первый сын, Вернигора, тот был славным богатырем, но не смог из-за своего гигантского роста подобрать себе женку по душе. Так и пробродил по свету долгую часть своей жизни в одиночестве. Только своими делами геройскими и сел в памяти народа. Потом Род к себе его в Великий Лес призвал. Теперь там свою службу славного витязя правит. Стережет покой Рода, пока тот, обратившись в большого черного ворона, сидит в гнезде на макушки сосны, которая подперла собой небеса, и зрит на мир, как он делает все вопрекор его Слову. Второй сын, Громобой, тот в точности по дорожке старшего

прошелся и тоже теперь при отце караулом ходит. Младшой, Лучезар, иной жизнью жил. Не было в нем того великого роста, какой братья старшие поимели от отца. Таков он ростом был почти, как ты, дедушка. Чуть в плечах поширше. Повыше на полголовы. Силой его Род не обидел. Но больше тяги любопытной к познанию того, что вокруг творится, ему в голову положил. Потому бродил он по свету не для доблести воинской, а чтобы разузнать, что где к чему. В таком блуждании своем и обрел жену, она ему родила пятерых мальцов, которые выросли богатырями, но дела отцовского не оставили. Тоже много бродили. Чтобы смогли сохранить все то, что узнали для потомков, вразумил их Род грамоте. От той поры и ведутся у нас книги, которые читал я с тобой и без тебя все эти годы. Вот в этих скитаниях по Белому Свету, когда спрашивали их иные, откуда взялись, отвечали, что пошли они от Рода и Веды. Потом все забыли изначальные пояснения и стали говаривать, что из рода Веды. А после и совсем сами ведами стали отзываться. Так вот, дедушка! Иль напутал чего?

– Ты напутаешь! Как же! Тебя дубиной долго по голове дубасить надо, чтобы мысли какие повыскочили. – Довольно улыбаясь, проговорил дед. – Только это баловство одно в таких разговорах. Поутру призовут тебя на настоящие испытания. Настал твой черед идти в Великий Лес с поклоном Роду от всех, кто родился от сына его и внуков. Таков уклад в Слове. Раз в десять весен уходит один из юношей

наших на поклон к Роду. Получит благословение – всем радость! Не вернется – знать получил от Отца Богов задание особое и брошен в край какой для подмоги народу тамошнему в трудную годину. Тому, кто получит благословение Великого Рода, дастся жизнь долгая. Получает он в дар такое могущество, что прочим и присниться не может. Коли вертается обратно посланник наш, знать не показался Роду. Знать, жить ему тута до скончания века. Одно дело, то в охотники пробиться. Там можно мужскими делами прославиться. Только и тут через испытание пройти надобно. У охотников свои потребности. Вот так вот, внук.

– Ты не говорил о том ранее дедушка. Отчего сам-то тут остался? Ведь в книжных науках очень здорово разбираешься. Почитай, на память каждый листочек говоришь.

– Не мне было то решать. Моей задачей от Рода стало обучение тех, кто пойдет Долгой Тропой. В твои-то годы как ожидал я, что падет на меня выбор. Ан – нет! А на тебя пал глаз Рода. Выходит, надобен, для дел каких-то. Что поручает он избранникам, нам то не ведомо. Даже нашему чародею Гостомыслу. Одно знает, что призван ты. Видно Великий Род строгий запрет на слухи те наложил. Ни один до нас не долетел. Жаль, верно, расстаться с тобой. Больно прикипел. Но тут же радость в душу придет: внук в число избранных попал. Не зря, видать, силы в тебя ложил. Жаль, отец твой не узрит праздника нашего. Горд бы был. Его тоже Род избрал. Может, свидитесь где. Скажешь тогда ему про меня,

что его место в сердце заполнено наполовину гордостью, наполовину горечью. Так-то...

Только утро задело краешком верхушки, как затарабанили в дверь землянки, где дед с внуком только под утро от разговоров и уснули.

— Заспались, тетери! Милован и Гостомысл уж ждут на поляне! И охотники зверя поднимать пошли! Веди своего внучка, Кремень. Глянем на что годен молодой вед, которого Род к себе кликнул!

— Не подведи, внук! — Толкал к выходу и без того спешившего внука Кремень. — Помни отчего охотники тебя Бером прозвали. Ныне встреча у тебя с тезкой. Только тот медведь, как он и есть. А ты человек! Хотя и с медвежьим прозвищем. Помни то! Ты ловчее и хитрее разъяренного зверя! Коли верх возьмешь, не мучь долго. Не кичись удаleyю своей. Забери себе его дух добавкой к своему. А свежатинку мы на стол для всех дадим! Уж постараются наши бабы! Будь спокоен!

Один из охотников, что ждал их у выхода, позвал Бера следовать за собой. Пробежав какое-то расстояние, они выбежали к повалившемуся от старости дубу, ветвистые корни которого, как густые заросли заслоняли собой берлогу, что облюбовал себе на зиму медведь. Он-то и издавал сейчас недовольный рык в ответ на то, что охотники ломали его сладкие сновидения тычками длинных жердей. Наконец и берлоги вылетел злобный рев и наружу высунулась морда

хозяина леса Он недоуменно взирал на то, что происходило снаружи. Какие-то двуногие, в лохматых шкурах, сустились у берлоги, осмелившись прервать его зимнюю спячку. Сейчас он получит удовольствие сломать хребтины одному другому. То-то будет запасец пропитания к тому времени, когда весеннее тепло само выгонит его. Зверь рванулся наружу и вскинулся на задние лапы, выставив перед собой передние, которыми стал делать взмахи, словно собирал воздух. Опытный взгляд охотника сразу определил, что зверь в огромной ярости, когда единственный удачный удар лапы может нанести страшные раны, от которых уже тяжело будет оправиться.

Бер скинул с себя меховую безрукавку и пошел навстречу зверю. Через пару шагов можно было узреть, как меняется внешне этот спокойный юноша. На лице возник страшный оскал, лицо обрело какой-то полужвериный облик. Мышцы закатались тугими буграми по всему обнаженному телу. И, вдруг, он тоже издал звериный рык очень похожий на тот, что издавал его противник. Медведь насторожился и на какое-то мгновение замер на месте. Этого мгновения хватило Беру на то, чтобы оказаться рядом с удивленным зверем и нанести ему страшные удары по голове обеими руками. Зверь взревел, потянулся лапами к тем местам, откуда струями забила кровь, и рухнул на землю, словно поскользнувшись. Бер тут же оказался верхом на его спине и мощным движением свернул шею

медведю. Тот поскреб еще немного землю лапами и затих.

Тут же один из охотников полосонул своим ножом по горлу умирающего зверя. Так делалось всегда, чтобы оставшаяся в звере кровь не испортила свеженины.

– То-то знатное угощение нынче будет! Медведь-то еще не все сало потерял. Всем хватит! – Заявил тот, кто пустил кровоток из тела издыхавшего зверюги. – Сейчас мы его быстренько освежаем. Иди, Бер в обрат. Там тебя новые дела ждут. Ныне день у тебя таков.

Бер быстрым шагом направился обратно в поселение. Там его действительно ждали... все жители от малого и до великого. В конце поляны, которая упиралась в молодую поросль, уже закопан был ствол сухой сосны, которая не смогла пробиться к свету своей макушкой и оттого вытянула слабеющий ствол тонкой жердиной до той поры, до какой сил хватило.

– Подойди, внук Кремня! – По обычаю не называя имени испытуемого, подозвал Милован Бера. – Сказывай, как с медведем обошлось? Не зашиб ли тебя ненароком? Может, повредил как? Следует ли продолжить испытание? Иль, отложить на пока?

– Чего откладывать, Старейшина? Каков был я, таков и есть. Чего мне этот злой дурень сотворить мог? – Спокойным тоном ответил Бер.

– Точно! – Встрял в разговор вернувшийся с Бером охотник. – Он ему даже прикоснуться к себе лапой не дал. Так завалил кулачищами своими, как я никогда и не видывал,

и не слыхивал. А потом и шею свернул. Только и успел братан мой кровь пустить, а то были бы ныне без доброго угощения. Вскорости приволокут зверину. Уже свежуют.

– Вона как! Выходит, первое испытание и не заметил?! Любо то нам, люди?!

– Любо! Любо! – Прозвучало в ответ.

– Тогда, как положил Великий Род в Слове своем про испытания Избранника, пушай покажет себя внук Кремня во втором! Бери оружие, с которым испытание пройти должен и в путь свой почетный затем отправиться! – Милован указал на уложенные рядком на шкуре, положенной на землю рядом с ним дротик, топор и большой нож. И, дождавшись, когда Бер вооружится, отмерил от вкопанной сосенки три десятка шагов. – Теперь яви нам свое искусство владеть всем тем, что в дорогу с собой возьмешь.

– Это я сейчас. – Спокойно произнес Бер и первым делом запустил в тонкий ствол дротик, острие которого пронзило древесину ровно по центру, оставив торчащим снаружи только древко, засевшее в стволе.

Зрители восторженно закричали похвалы. А Бер, оставаясь равнодушным ко всем выкрикам в свой адрес, резким движение руки послал в полет нож, который моментально впился своим широким лезвием в основание древка дротика, расщепив его на две равные же части и войдя в него по самую рукоять. Голоса зрителей зазвучали еще громче. Даже привычные к разным умениям своих охотников веды

искренне удивлялись и радовались новому герою.

А Бер между тем уже сделал взмах руки с топором. Тяжелый топор врезался в захрустевший ствол и наискось рассек его на две части. Верхняя часть рухнула на поросль, слегка отскочив в сторону. А нижняя обратилась в пень, верхушка которого словно прилеплена была к дротику и торчавшему из древка ножу. Всего лишь тонкая пленка прикрывала их. И та через короткое время прорвалась под тяжестью оружия и дротик с ножом упали на землю. Народ ликовал. О таком испытании долго будут ходить легенды!

– Теперь твой черед, Гостомысл. – Заявил Милован. – Пытай Избранного!

Чародей знаком предложил Беру последовать за ним и укрылся в своей землянке. Там на шкурах, застилавших земляной пол, были разложены разные книги, свитки, обереги и предметы, которых ранее Бер никогда и не видывал.

– Великий Род избрал тебя. Он не явил мне, как это делал завсегда, к чему ты будешь призван, но объявил, что, коли ты пройдешь все испытания лучше, чем прежние избранные наградить тебя вот этим! – Чародей достал из-за пазухи кожаный мешочек, всегда висевший на его шее. – Тут перо из крыла Великого Рода. Владеющий пером находится под Его непрестанным приглядом. Чем обернется этот пригляд, сказать тебе не могу. Помощь ли явится неожиданно, чудо ли какое сотворишь, сам того не ожидая, иль наказан будешь за неверный поступок – то Роду решать. С этого момента

снимает он с меня свой пригляд. Знать, получил я доверие его. А теперь приступим к испытанию. Быстро и верно ответить должен на вопросы мои.

И посыпались вопросы о том, что писано в книгах, что вели веды все свои века, для чего делаются обереги и какую службу правят они в раздельности и вместе, да и другое многое. Вопросы выскакивали изо рта Гостомысла, как пчелы из корчаги. Непрерывно. Вот тут-то Бер вспотел. Но, держался бодро и сыпал ответами, не задерживая их в своей голове.

– Все! – Объявил Гостомысл. – Хватит! Более, чем надобно наговорили! Прошел ты в Избранные. От того теперь и зваться так будешь. Пошли к народу.

Объявление Гостомысла о том, что Бер справился с испытанием в избытке, вновь вызвало радостные крики. Всем хотелось, через возгласы свои стать причастным к тому деянию, что вершилось на их глазах. Все неотрывно глядели на Бера, стараясь запомнить того, кто смог удивить даже самого нелюдимого Гостомысла. Ведь придется рассказывать о том внукам своим. А те, глядишь, и своим перескажут. Тут все точно излагать надобно!

Выслушав слова Гостомысла, Милован с Кремнем крепко обнялись с Бером.

– Не подвел, внучок! – Ласково шептал Кремень внуку, который был на полголовы выше его и пошире в плечах. – Славу свою мне в память оставишь. Народ о тебе всегда го-

ворить будет. Оттого и мне легкой разлуку пережить...

Последним обнял Бера Гостомысл.

– Являю всем волю Великого Рода! – Заявил он после объятий. – Избранным стал наш родич-ведун! За особое умение к тому, что Словом в испытания заложено, должен я ему передать вот это!

Гостомысл снял висевший у него на шее мешочек с пером из крыла самого Рода.

– Много лет был и я испытуемым Великим Родом. Не только награда в священном даре, но и надзор Отца Богов! Почетная и трудная ноша! Чем обернется она Избранному?! Наградой ли за дела его, или жестким укором за поступки дурные?! То только Великий Род решит! – С этими словами надел Гостомысл мешочек на шею Бера. – Носи и не моги обронить, или, хуже того, дать его в чужие руки! Вы с ним теперь одно! Благослови тебя Великий Род на исполнения всех его предначертаний!

– Теперь, застилайте поляну шкурами! Отведаем того, что наготовили жены из добычи Избранног. Пожелаем ему доброго пути. Завтра мы уже не сможем узреть того, кто с восходом солнца начнет вершить предначертанное ему Великим Родом.

Как только пиршество началось, охотники поднесли Миловану то, что изготовили из шкуры медведя убитого Бером. Они уже очистили ее от остатков мяса и жира, аккуратно выскребывая каждый клочок, а затем выкроили из нее подобие

рубахи.

— Вот теперь одежда твоя главная, Избранник. Скидывай прежнюю. Прямо на тело одевай, пока не застыла жизнь в шкуре. На тебе все окончательно высохнуть должно, чтобы по телу твоему лечь. Когда же Весне властвовать над Белым Светом черед придет, отвяжи бечеву, которой рукава держатся, и будет у тебя знатная одежка на лето. Не снимай совсем, пока не велит тебе Тот, Кто позвал тебя к себе. Вот тебе в дар от меня пояс, что передал мне когда-то по случаю сын мой, ушедший той же дорогой. Дорог он мне, но тебе более, чем мне, надобен. Оружие свое забери. Дротику уже сладили новое древко. Прежнее ты ж попортил. Идите уже с Кремнем. Пусть соберет тебя дед в дорогу. Последняя у вас ночь...

Глава 2

Еще не успело солнце высунуть свои первые лучи из-за верхушек деревьев, как Бер, обняв на прощание деда, с которым не спали всю ночь, вспоминая прожитые годы и думая о том, что может ждать впереди, шагнул на новый путь. Из-за широкого пояса выглядывала рукоять ножа, справа на боку в специальной петле, которая давала возможность быстро выхватит его по нужде, висел топор, а в руках было древко дроботика, который всегда должен быть наготове. За спиной напоминал о себе своей тяжестью мешок, в который старательно упихнул Кремень, сколь сладилося, продуктов на дорогу. Еще он приладил к мешку две кожаные лямки в которые просовывались обе руки и мешок не сковывал движения владельца.

Чтобы не видеть прощальные слезы деда и не проявить свою слабость, что не полагалось настоящему Избранному, Бер постарался быстрее скрыться за ближайшими деревьями проделав начало пути чуть не бегом.

Все! С прошлым нет более связи, кроме как во снах и чаяниях! Впереди, как всегда неизвестное, будущее! Привет тебе, Будущее!

Целый день шел Бер по знакомым местам. Держал свой путь строго на то место, откуда солнце каждое утро явит Белому Свету свои первые лучи. Так Гостомысл подсказал.

Ему одному среди ведов тот путь открыт. Хаживал ли сам по нему, про то Беру не известно. Но как-то ведь общается с Родом?

Все тут знакомо. Каждый кустик, каждое дерево. Много раз с дедом хаживал, когда тот его разным разностям обучать стал да о мире вокруг ладно сказывать. Потом уже и Гостомысл гонял в разные закутки, чтобы ответы на его вопросы искал. Не одним только книгочейством занимался. Не только чужие слова из книжных знаков сложенные себе в мозги откладывал. Теперь точно знал он, почему трава низка, а деревья высоки. Почему летом вода жидкая, а зимой камня тверже. Отчего птица ввысь взлетает, а змея только на брюхе ползать обречена. Много чего познал. Даже голосам птичьим и звериным подражать наловчился. Но, то уже сам схотел. А душу щемило немного от того, что все видит в последний раз. И голоса, которым ловко подражает, и не услышит, может, больше. Друзья за спиной остались. Особливо голубоглазая Ольга. Больно уж эти глаза глубоко в душу забрались. Аж вздохнул с сожалением, что не утонет больше в этом ласковом море. Твердила все, что следом убежит. Говорил, что Избранный в одиночку свой путь проложить должен. Так нет! Одно и тож: убегу за тобой! А что если и вправду убежит? Гнать от себя назад, когда уже день пути позади. Она же хрупкая. Она сгинет в лесу ночном. Не охотница, ведь. Только-только из подростков выбилась и офигурилась бабьими делами. Над ней любой зверь зло сотворить

может. Хотя бы не решилась!

«А как на то Род глянет? Зачтет мне такое как? Ведь, на погибель девку в ночь могу отправить.» – Помыслил Бер и рука его самопроизвольно сунулась за пазуху и вытащила наружу бережно хранимый мешочек с пером.

– Тебе решать! Толи одному дальше топать и беспомощного человека бросить, толи выручить и пожалеть, но... – Донеслось вдруг неоткуда и смолкло на полуслове.

Бер удивленно завертел головой во все стороны, нор так никого и не почуял, хотя чутье у него было получше иного зверюги дикого. Ан – нет! Есть запах. Его ветерок попутный донес издалека. Знакомый запах. Очень знакомый! А солнце уже наметило в за деревьями упрятаться. Бросился Бер туда, откуда запах донесло. В сотне шагов от себя увидел со страхом глядевшую на него Ольху. Та прилепилась всем телом к стволу и застыла в ожидании приговора. Шитая мехом наружу шубейка из черного соболя, шапка из того же зверя да сапожки из оленины прятали от влюбленных глаз ее стройную фигуру, обволакивая ее мягким теплом.

«Будь, что будет!» – Мелькнуло в голове Бера. Он схватил за руку Ольху, притянул ее к себе и крепко обнял.

– Со мной пойдешь, коли уж так вышло! Ничего без воли Рода вершиться не может. Знать, и такое со мной выйти должно было. Тяжек путь наш будет. Осилишь ли? Любавы моя!

– С тобой хоть куда готова идти! Теперь, когда кинуться

искать, все одно изгоем буду. Такого позору девке не простят, чтобы без воли родителя за парнем вдогонку бросаться неведомо куда. Порченная я теперь для всех. Каждый волен плюнуть в меня и от себя прогнать. Нужен мне позор такой? А с тобой, даже если на погибель, все одно куда, а пойду. Один ты у меня в сердце отныне. Иных и поминать-то – грех. Да простит меня Великий Род!

– Вот и спросишь у Него прощения, когда доберешься сумеем. А путь-то настоящий только с завтрашнего утра и начнется. Сейчас что? По родным местам прогулка. А, что ждет нас в Приозерье, о котором и в книгах-то ничего ладного не писано, про то сказать не могу. Что узрим, то нам и падет на долю.

*****

Переполох начался прямо с утра, как покинул навсегда родной дом Бер. Женка старшего охотника Грома побежала по жилищам соседей с вопросом, не видал ли кто дочь ее Ольху, которой поутру не оказалось у родительского очага. Конечно же, бабы, как это водилось всегда, создали суету и подняли шум. Девка пропала! Все столпились у жилищ Гостомысла и Милована.

– Чего хотите от нас? – Сонливым голосом вопрошал у устроительниц переполоха Гостомысл. – Не уследили девку, мы-то причем? Теперь уж и не догоните! Она за Избранным в лес подалась. Что сказано в Слове? Во след Избранному, по пути его никто из нас погони устраивать не может!

То – великий переступ воли Рода. За то и наказание грядет в ответ зело грозное. А ты, Угар, чего руками разводишь, как дитя малое? Коли породил девку, так и должен был строгость блюсти обучить! Чего теперь топчешься тут? Не будем скопом дочь твою вертать в обрат. Слово не велит!

– Слышали?! – Грозно насупился Милован. – Идите делом займитесь! Нечего толкаться тут! Может и дойдут когда слухи какие от Ольхи. Хотя и не верю я в то. А сама коли на другой день явится... Знаете не хуже меня, что приключится. Изгоем станет. Ни у одного очага в нашем поселенье ей места не будет. Одна в лес уйдет и далее. Для девки прямая погибель. Может, лучше так, как и случилось. Видать на то Воля Рода имеется. По-иному не было бы такой оказии. Идите ужо!

*****

Ночевка в лесу прошла спокойно. Усталость взяла свое и Ольха, сразу же после ужина забралась в брошенную берлогу, где догорали угли разведенного ранее Бером костра для согрева их временного укрытия, и, удобно устроившись на разомлевших от тепла пучках мха, положив голову на тугой бугор мышцы предплечья Бера, быстро заснула крепким сном. А Бер еще долго лежал с открытыми глазами, пытаясь в мыслях представить, что может ждать его в дальнейшем пути, когда попутчицей его стала эта хрупкая дорогая ему девка, которую до сего дня и поцеловал-то еще только пару раз. А тут... Лежит у него на руке и сопит в ухо тихонечко.

Непривычно. И какое-то странное, неведомое ранее чувство обдало его жаром. Он осторожно просунул руку за полог девичьей шубейки и осторожно прикрыл ладонью одну из выпуклостей на ее груди. Ожидал, что встрепенется и двинет ему хорошенько по нахальной роже его. Ан – нет! Наоборот. Только плотнее прижалась. А в нем уже заговорили все мужские начала. Захотелось рвануть с нее одежду, увидеть всю, как есть и ласкать, ласкать... Знал, что не может так вот, без воли ее. Ведь доверилась девка не для того, чтобы все случилось в этой заброшенной берлоге! Вскочил, чтобы прогнать все нахлынувшее вылез наружу. В лицо дунул прохладный ветерок, остужая его горячность. Потоптался возле лаза. Хоть бы, нечисть какая сейчас набежала! Силушкой поиграть да пыл совсем остудить. Только... в этом лесу, где веды живут с незапамятных времен, никто не сунется сам первым в супротивники. Знают, чем дело кончится. От того и стороной обходят всякого их мужчину. Жаль!

Вернувшись в берлогу, Бер, аккуратно, чтобы не разбудить Ольху, снова определил ее головку на прежнее место и прижав ее к себе другой рукой, вскоре крепко уснул. Однако утреннюю зорьку встретил уже на ногах. Разогревая над костерком нанизанные на прутья куски мяса. На пряный аромат, наполнивший собой пространство вокруг берлоги, выглянула Ольха.

– Ты уже и кушать готовишь?! Спал ли? Вроде, когда я однажды проснулась ночью, тебя и рядом не было. Ходил куда?

– До ветру. – Отмахнулся Бер, лицо которого залилось краской стеснения от воспоминаний того, что приключилось с ним ночью. – Да постоял немного снаружи. Чтобы твоему сну не мешать. Я-то, неуклюжий, и примять тебя, стебелек ты мой нежный, запросто мог. Не зря Бером нарекли. Понеуклюжей медведя буду.

– Наговоришь! Я вон, к тебе прижавшись, словно провалилась куда. Так хорошо мне было только тогда, когда у ма-тушки под боком ночевала. Обои вы мне шибко любы. Каждый по-своему. Она теперь по мне слезы лить будет. Жаль! И, опять же, обратной дороги то нет?

– Нет у тебя дороги такой. – Подтвердил Бел. – Для народа нашего ты теперь изгой. Для меня же... Любимая спутница.

– И не только! Женой твоей стану. Как только появится возможность обряд соблюсти, так и стану... – Робко заявила в ответ Ольга. – В одну упряжку с тобой впряглась. Вместе теперь волокушу жизни волочь будем. Супружниками мы станем. Нет к тому противления твоего?

– Подснежник ты мой любимый! – Бер загреб Ольху в свои грозные на вид но нежные по сути объятья. Оторвав от земли и держа ее нежно на руках, он в несколько кругов обежал поляну. – Конечно же – супружники! Как хорошо придумала! Так, видно, и Роду по нраву. Иначе всего этого и быть не могло.

Во время завтрака, Бер наставлял Ольху.

– Держись всегда рядом и слегка позади. По левую ру-

ку. Правой руке воля нужна. Она должна дротик держать, а в случае необходимости и топор или нож быстро выхватить. Коли трудно идти будет, придерживайся за руку. Только держись за локоть. Вдруг стрелы пускать придется. Если так держаться будешь, руку быстро высвободить смогу и тебя не зашибу. Коли до драки дело дойдет, там следить за каждым своим движением некогда. Привычка работает. Ты же сразу укрытие какое присмотри и там схоронись до поры. На всякий случай возьми это. – Бер протянул Ольхе небольшой нож, который охотники обычно хранили за голенищами сапог от чего и прочим их однородцам название пошло – ножные. Ножи! – Пускай при тебе У меня еще и кулаки есть. А тебе может службу сослужить. Осторожнее только. Востер больно. На, в тряпицу заверни. Пошли уже. Пора. Не везде голосом советы давать можно. Потому поучу тебя по дороге, как охотники в засаде друг другу знаки подают. Пригодится. На чужую землю Приозерья ступим к середине дня. Мне про нее мало ведомо.

Видать, не доводилось ведам долго побывать в тех краях. Надобности, видать, на то не было. Одно писано, что народец там живет диковатый. К пришельцам не очень гостеприимный. Одно успокаивает. Мелок народец тот. Один вед десятка их мужиков по силе стоит. Может и не приключится беды никакой.

Только, не зря Гостомысл говаривает, кто сам побережет, того и Великий Род побережет. Так и будем держаться

слов этих.

Солнышко уже окрасило желтовато-розовым полукругом небо в том месте, где собиралось выкатить из-за деревьев свой диск, когда две фигуры в меховых одеяниях, одна из которых в медвежьей шкуре напоминала вставшего на лапы здоровенного медведя, а вторая – хрупкую девчушку, которую неведомо куда увлек этот зверюга. Новый день готовил им все новое, ранее не изведенное и от того абсолютно неожиданное.

Глава 3

Лес постепенно перешел в рослый кустарник, сплошной стеной, как верный стражник, отгородивший его от другого мира. Продираться через эту живую стену был не очень с руки. Пришлось Беру даже топор в ход пустить, чтобы просеку сделать. Ольхе велел ступать с ним в след, чтобы не поранилась зазря об острые сучья. И вот... рухнул под ударом топора очередной куст, глазам предстала сплошная пропитанная солнечными лучами яркая голубизна. Ближе к горизонту вид был такой, что казалось – это небо упало на землю и смешалось с ней. Ошеломленный Бер сделал невольный шаг назад, словно боясь провалиться в этот голубой мир. А солнечные лучи так били по непривычным глазам, что у него и его подруги слезы покатались из глаз. Пришлось зажмуриваться по несколько раз, чтобы привыкнуть к этому сиянию. Вот тогда-то и поняли, что все выглядит не совсем так, а, вернее, совсем не так, как показалось им изначально. Меж кустарником и голубым плесом огромного озера шла широкая полоса равнины, густо поросшей низкорослой травой, изредка прорываемой взметнувшимися вверх мелкими кустиками. Снега, который еще хватался в лесу за теневые стороны, которых там было в большинстве, и старался продлить свое присутствие, здесь не было у же и в помине. На веточках кустиков уже проклюнулась молодая листва, хотя еще и не совсем на-

бравшая силу.

– Страшно, Бер... – Прошептала Ольга, прижимаясь к нему. – Совсем не так, как у нас. Тут Весна уж во всей своей поре. Иной это мир и на самом деле.

– Пока страшиться нечего. – Уверенно заявил Бер. – Нет зверя страшнее человека! Так дед мой всегда говаривал. А то, что видим теперь, тоже Род создал. Потому для нас здесь страху быть не должно. Вот с народцем здешним встретимся, тогда и решим, стоит ли чего бояться.

Разговор прервал истошный крик с того места, которое было отгорожено от пришельцев кустами, клином выступавшими в глубину зеленой долины.

– Постой здесь! – Велел Бер Ольхе и, сжав в руке дротик, бросился на звук.

Глазам его предстала такая картина. Трое упитанных мужиков, которые ростом своим едва достали бы до груди Беру, что есть мочи мутузили третьего, который завалился лицом в землю и, что есть мочи, орал, не жалея глотки. Не долго думая, Бер подбежал к ним. Одного слегка пнул под зад, от чего тот отлетел на несколько шагов и замер в страхе, уткнув лицо в траву. Двоих же ухватил себе под мышки и прижал. У этих языки изо рта полезли. Бросил и их наземь. Подошел к битому.

– Чего натворил, мужик?

А мужик, перекинувшись на спину, раскрыл на всю ширину свои полные страха глаза и только мямлил что-то непо-

нятное.

– Тебя, однако, спрашиваю. – Слегка пошевелил его носком сапога Бер.

– Не ешь меня, вед! – Вдруг прорвало худосочного. – Каков с меня толк?! Ты тех возьми на жарку! От них много больше толку! Да и повкуснее будут, однако!

– Чего несешь?! – Взревел Бер. – На какую жарку! В своем уме?!

– Ты же вед? – Уточнил мужик.

– Вед. И что?

– Ходят в нашем народе слухи, что веды от поры до поры выходят на охоту в наше Приозерье и крадут мужиков и баб, чтобы еду свою к праздникам приукрасить. Так ведь?

– Разумом тронулся, мужик?! – Бер непроизвольно сделал движение ногой, словно готовясь дать пинка собеседнику.

– Врут? – Спросил осторожно мужик, на всякий случай отползая потихоньку подальше.

– Покажешь, кто такое сказывал. Не знаю, что ему сделаю! – Пригрозил Бер.

– Вот они тоже! – Ткнул мужик пальцем в сторону тех, кто недавно мял ему бока, а сейчас старались незаметно улизнуть, приподнявшись на четвереньки.

– Эти?! И куда же вы настроились ползти? Вот сейчас я вам объясню как нужно правду говорить, а не наговаривать на ведов! – Бер напустил такой строгости в голос, что троица застыла, как восковые фигуры в тех позициях в которых

захватил их голос. – Подите-ка сюда. Сказывайте, где таких слухов набрались? Кто такому надоумил?

Всю троицу заколотила мелкая дрожь и они покорно подступились к Беру. А куда бежать? Тут еще из-за кустов какая-то баба вся в шкурах с ножом в руке.

– Дык... не сказывали такого... Торон наговор пустил... От злости, что получил по заслугам.

– Точно не сказывали?! – Строго спросил Бер.

– Никогда такого не было... Разве, когда старики внучат пугают лесом, чтобы не перлись туда, куда ходов не знают, присочинят что. Нет таких слухов, великий воин.

– Это ты к чему ляпнул? Про воина?

– Для того, чтобы слово краше пошло...

– Бабам будешь красные словца раздаривать! А ты? – Бер повернулся к худосочному. – Почему наговор позволил?

– Это он от злости. Чтобы твоими руками нам шеи намать. – Заявил один из троицы. – Тонор еще тот мошенник! Его всяк у нас знает. Пес бродячий! Как явился он в какуюто весь, так и жди, что пропадать что-то зачнет. И в ентот раз за «заслуги» его проучить решили. А сюда отволокли, чтобы детям не казать это действо.

– Верно мужик молвил?! – Повернулся Бер к Тонору переворачивая в руке дротик концом древка вперед. – Сейчас я тебе от себя добавлю!

– Злыдень какой-то мне видать на ухо шепнул слова те. Не по доброй воле ляпнул. У нас тут этих тварей сверх по-

требы. Все шастают, хоронясь, все толкают на дурь людей. Прости ужо. Не от своей головы пошло. Нечести перечить не могу. Потому и ляпнул чужие слова. – Тонор крадучись тихонько приблизился к Беру и стал перед ним на колени. В ответ троица, что недавно от души мяла ему бока, одарила его злобными смешками.

– Встань Тонор! – Велел Бер. – Коли злыдень нашептал, какая твоя вина? Прощаю...

Он сам рассмеялся этой своей шутке. А обрадованный Тонор завторил ему своим писклявым голоском.

– Теперь, мужики, поясните нам, куда вышли мы и какой народ здесь живет. – Обратился к троице Бер.

– Приозерцы мы. Как и вы под Родом ходим...

– Откуда такая весть о нас? – Перебил Бер.

– Чай, не в лесу живем! – Ляпнул мужик в ответ и зажал рот обеими ладонями, поняв, какую промашку дал.

– В лесу, с твоего разумения, дикари живут? – Прищурился на него Бер, нисколько не ощущая никакой злобы.

– Прости! Сорвалось! Такая у нас приговорка в народе. Откедова пошла – не ведаю. Но говорят.

– Тебя-то как кличут?

– Захор. Я ватажный рыбаков! – Он постарался посильнее выпятить грудь, но живот все же ее опережал. – А то братаны мои младшие.

– Чего же Хонор натворил такого, что били его нещадно?

– Он у нас сеть ночью упер. Да припрятал где-то здеся.

Отследить его смогли, а кражу еще сыскать надобно. Отка-
зался указать место. Потому и допытывались, как могли. Пу-
щай возвратит. Ты ему скажи, вед. Тебе перечить не сможет.

– Верно говорят мужики? – Повернулся Бер к Тонору.
Только не завирайся. Я тебе быстро ноги повыдергиваю.
На чем бегать с ворованным будешь?.

Тонор весь покрылся потом. Словами что-либо произне-
сти он не мог. Только тыкал рукой в заросли. Довольные бра-
таны выволокли из схрона свою сеть. Онии нацелились уже
бежать в свою весь, но были остановлены Ольхой.

– Не закончил еще Избранный свой разговор с вами. Чего
спешите?

– Это Избранный?! – Братаны открыв рты повернулись
к Беру. – Так выглядит Избранный?!

– В вашем народе и про таких, как я злые сказки понапри-
думывали? – Поинтересовался Бер.

– Не сказки. Много лет назад, когда дед нашего отца еще
юнцом был, проходил здесь такой же. Тоже Избранным звал-
ся. Горделив больно был. Силой похвастать старался. Безо
всякой на то нужды сгубил несколько мужиков, балуя. В от-
вет наш народ на него ополчился. Веник по веточке слаб.
Кода же в связке – испробуй сломать. Так и народ любой.
По отдельности мы не очень то и крепки. Когда же нужда
в кучу сгонит, нету силы сломить народ! И в том разе все со-
брались в кучу, чтобы прогнать обидчика. Прогнали. Заодно
и к степнякам весточку бросили, какого гостя ждать надоб-

но. Видать встретили те его. Точного слуха не имеем. Ты, когда расшвырял нас, очень его напомнил. Думали мы, что лишишь жизни играючи. А ты вона как! Рассудил всех по правильному. И мир вернул. Зовем в гости тебя с той, что так и стоит с ножом у куста. Не знаем, кто она тебе. Пущай тоже идет. Покормим вас хорошенько. Баньку натопим.

– А Тонор? – Поинтересовался Бер. – С ним как?

– Пусть валит отсель. Не тронем более.

– И все? Он же с голоду опять что уволочь постарается.

Может, покормим.

– Коли бы с тобой шел – приветили бы. Этого прохиндея всяк из дому выгонит.

– Выходит он изгой в своих же землях?

– Так пошло. Сам виновен.

– Считай, что со мной он идет! С нами, вернее. Согласен Тонор. Поможешь мне в дальней дороге. Может чего поднести придется. Или посторожить...

– Вот-вот! – Перебил Захор. – Ты ему почаще сторожить волю дай. Много чего не досчитаешь.

– Так ли? – Обратился Бер к Тонору. – Тащить у меня будешь, коли с собой возьму?

– Никогда! – Вырвалось у Тонора. – Я твоим послушным дитятей стану. Что велишь, то и сполнять буду. Как верный пес у твоего порога спать! Только возьми. Нету тут житья Тонору. Впервой со мной по-людски говорят.

– Слыхали? – Обратился Бер к троице. – Со мной он идет.

Оттого и зван со мной вместе должен быть.

– Теперь все ладно! – Твердо заявил Захор. – Пошли уже. Только в весях я чуть вперед выйду. Надобно нашего Исхора-старца предупредить. Ему решать, как чему быть. Не против?

– Поступай, как знаешь. Сам позвал. – Согласился Бер.

Глава 4

Когда пришли в весь, Ольху и Тонора оставили на окoliце под присмотром двух братанов, а Бер с Захором пошли по длинной улице к избе, которая в центре улицы возвышалась над иными. Беру бросилось в глаза то, что избы тут строились совсем не так, как делали то веды. Веды свои домовины выкладывали из просушенных бревен, плотно подгоняя одно к другому, да еще и набивая промежутки сухим мхом, чтобы совсем от щелей избавить. А тут! Все дома глиняные. И крыши не щепой, а длинными стеблями какой-то сухой травы пучками повязанной и ступеньками сложенной накрыты.

– Как глина в стенах держится. Она же от дождей раскваситься должна? – Спросил у Захора.

– От того не квасится, что сначала ее водичкой поливали и долго мяли ногами. Потом стены из ивняка плели и глиной забрасывали. Просохла и сама воду принимать перестала. Так за плетни ухватилась, что и не оторвешь теперь. – Пояснил тот.

– А на крышах что?

– Солома.

– Что за трава такая. Не слыхивал. – Поинтересовался Бер.

– Рожь, овес сеем. Просо тож. От обмолота остается.

Очень хорошо от дождя и снега прячет и тепло в избе держит. – Охотно растолковал Захор. – Пришли ужo. Ты меня туточки обожди. Я мигoм!

Захор скрылся за плетеной дверью самой большой избы. Некоторое время спустя к Бeру вышел молодой парень с такими же рыжеватыми кудрями на голове, как и у Бeра. И ростом он был только малость пониже. Хотя в плечах не так удался, как Бeр. Поуже в плечах.

– Зовет тебя к себе старец. Говорить хочет. Я внук его, Белан. Тебя, слышал, Избранником нарекли?

– Так и есть. Избранником. Пошли тогда!

– Погодь. Как Захор выйдет, тогда и войдешь. Старец наедине с тобой говорить хочет.

Захор не очень долго пробыл в избе и с озадаченным выражением лица засеменял куда-то в меру возможности своего неуклюжего тела.

– Заходи! – Пригласил Белан.

Супротив ожидания Бeра, навстречу ему поднялся со скамьи не ветхий старик, а стройный седовласый мужик. Не поседевшие еще брови с рыжинкой пучками нависали с морщинистого лба над ярко-голубыми глазами, которые были такими же, как и у самого Бeра. Однако кудри на голове и бороду с усами сeдина не пощадила, отвоевав их большую часть.

– Избранник? – Спросил Исхор.

– Да. Избранник. – Гордо произнес в ответ Бeр.

– Проходи. Присаживайся рядом на скамью. Поговорим, коли охота есть.

– Отчего не поговорить с мудрым человеком. Наш чародей Гостомысл всегда твердит: коли сорока застрекотала, послушай, может чего в клюве принесла, а уж того, кто сединой обелен в стократ слушать должен!

– Гостомысл, говоришь? Знавал его когда-то. Он меня тоже в Избранники зачислял, в поход к Роду отправлял. Как и тебя. Сколь лет минуло, а мы – до сей поры ногами своими земельку тревожим. Обильно наукам разным обильно попотчевал?

– Уж напотчевал. Еще и дед мой, Кремень, туда же. Голова кругом шла. – Признался Бер.

– Ты Кременя внук? И его знавал. Только разок и виделись. Давно. Обо всем сначала расскажу. Чтобы понял все. С полторы сотни лет назад и я таким, как и ты, Избранником был. Такой зарок Род на Гостомысла положил, чтобы раз в десяток лет отправлял к нему на испытание лучшего из лучших от рода ведов. По тому, как покажет себя Избранник, Род ему его судьбу наперед дает. Кому что положит, того никто кроме самого Великого Рода и не ведает. Тоже предупрежден был, что вернуться в свой род после похода в Великий Лес, все равно, как большого позору отведать. Три года брел я по неведомому мне пути. Чего только не рассмотрелся, чего не испытал. Добрался. Пустили меня сыновья его к Роду. А Он там на макушке такой громадной сосны сидит,

что с земли и не разглядеть. Три дня к Нему по сучьям подымался. Близко не подпустил. Но я Его зрил. В образе ворона, который повыше меня ростом будет. Только глаза человечьи. «Чего пришел вед?» Спрсил так, словно по своей воле я добирался к Нему, а не по Его велению. «Прислан к тебе, как про то в Слове сказано» – Ответствую. «Гляжу, толковый ты парень, коль добрался сюда. Не всем удавалось. Однако, зря пришел. Не здесь, а рядом с домом твоим быть должен. Понял? Ступай в обрат!» После того Великий Род закрыл глаза, словно устал от разговора со мной. Уткнулся но... клювом в грудь и затих, как заснул. Спустился на землю. Горько было на душе. Чего приперся, дурак? И пошел в обрат. Снова намыкался сполна. Сюда добрался. К берегу озера. Случайно. От степняков укрывался, что погоню за мной учили. Отсиделся в камышах. Когда убрались степняки вышел из камыша и увидел перед собой маленькое поселение в пять шалашиков. Народ мелковат, если с нашим сравнить. Чумазые. Одеты, как попало. Иные – совсем голяком гуляли. Оторопел. За весь поход свой такого не видывал. Они меня за чудо озерное приняли. Наземь пали и все хвалы лепетали. Решил присмотреться к народцу тому. Поначалу велел всем отмыться. Они, как дети малые перед отцом, все покорно выполняли. Потом и угощение сготовили из рыбы. Слово за слово научились понимать друг друга. Они ране больше гыкали да иногда словцом каким что-то обозначат.

Впереди лес родной стоял, а духу сразу вертаться не хва-

тило. Больно боялся насмешек и горьких взглядов отца, которому и жизнь после моего возврата не мила будет. Он один меня растил. Решил тут приостановиться. До поры. Пока случай не подвернется родной дом повидать. Узнал, что на-родец этот совсем уродец. Братья на сестрах женятся, отцы на дочерях, сыновья на матерях. Потому так шло, что каждая баба у них на вес золота. Где взять окромя своих? Прошелся я по долине. Обнаружил еще пять поселений. В каждом из них встречен был так же, как и в первом. Глаза по-вытаращили и каждое слово исполняют без задержки. Пользуясь тем, велел им собирать манатки и скорым ходом идти со мной сюда. Они ведь друг для друга и не существовали. Вражда давняя разделила надолго.

Тут и поселиться велел. Запретил строго на своих женщинах жениться. Велел из других семей брать. А за каждую выкуп давать, чтобы урону в семье от того что лишние руки работные ушли, не было. Потом еще с десятков семей отыскивали и тоже сюда привели. И пошел нормальный здоровый род. А земля-то благодатная. С одной стороны озеро. С другой долина на которой они уж издавна научились зерно собирать да в пищу пускать. Я же за свою дорогу много насмотрелся и многому научился. Стал с ними избы ставить из того, что под рукой. Видел, как теперь живем. Научил лен-траву мять и на нити делить. Вот и одеты теперь все. А на зиму одежду из зверя убитого, из коз, которых сами растим, готовим, как везде водится.

В скорости, после того, как новой жизни учить стал народ приозерцев, явился ко мне во сне Род.

– Нашел место свое? – Спешивает

– Нашел, видать. – Ответствую

– В том и задача твоя была, Избранник. Веди народ этот к хорошему будущему. Заслужили они. Долго страдали, никого не трогали. На то даю тебе триста лет жизни. Хватит? – И рассмеявшись, исчез.

Так-то. И верно! Уже нет на земле никого, с кем впервой встретился. Уже внуки их дедами стали, а я все в делах да заботах. Столь семей вокруг собралось, что уже три веси по сотне домов имеем. И еще одну заложили...

– А где же с дедом моим встретиться довелось? – Поинтересовался Бер.

– Вскорости, после того как Род навестил, рискнул я в лес войти тайком, чтобы взглянуть со стороны на родичей своих. Близко подобрался к поселению. Многих узрел. Горечь в грудь напозла. А объявиться не мог. Слово на то строгий запрет наложило. В обрат собрался, когда на мальчонку наткнулся. Он испугался незнакомца. А я, чтобы запутать в край и наговорил ему, что в приозерье народ не гостеприимен, потому далеко в лес ходить ему не надобно. Вдруг столкнется с кем из них. Вот он-то и назвался Кремнем. Вернулся когда, своим людишкам страху от ведов навел. Вдруг кто иной моим путем в лес прогуляется. Любопытны все. Так и сохранил тайну свою, пока о тебе не услышал. Нигде

не сказано, что о том молвить тебе не могу. Упустил, видать, Род. Может, нарочито упустил...

– Каков же путь твой был, Исхор. Расскажи. Может мне польза какая будет наперед. – Попросил Бер

– Вот на то Слово строгий запрет положило. То, что дед с Гостомыслом тебе в голову положили, и неси с собой. Сам все узнать должен. А пока пошли в народ. Банька созреть должна. Помойтесь с дороги с любавой своей, а потом и похарчуем тем, что с помощью Рода обрести смогли. Только забудь на людях, что родня мы. Ты – вед. А я из озера явленный по воле Рода и для службы ему. Учти то! Пошли уж! Ты Тонора точно с собой берешь? И верно. Какой-никакой, а помощник. А здесь ему житье спокойное не дадут. Сам виноват, верно. Только любой живой зачаток должен со всеми вровень быть. Иначе гибель ему. Забирай с собой.

Вдоль улицы от самого дома Исхора в два ряда ставились уже столы и скамьи.

– Это зачем? – Спросил Бер.

– Принято у нас так. Коли гость в веси объявился, сообщая откушать да за столом и разговоры поразговаривать. Расскажи им то, чего знать захотят о ведах. Чего теперь таиться, когда вас увидели и поняли, что справедливый вы народ и не злобный вовсе. Хватит туман напускать. Кто иной захочет в лес пробраться. Пусть. Далеко не уйдет с первого разу. А там, глядишь, и навстречу кто выглянет. – Ответил Исхор. – Возьми у Белана одежонку свежую. Льняная. Мягкая.

После баньки в самый раз. Ольхе твой бабы тоже чего надо подобрали. Не далеко от них в росте ушла. Тяжелый путь себе эта былинка выбрала. Видно, так Роду надобно. Ничего без его воли с Избранником не случится. Я так думаю. Ну, иди. Столы уж накрывать начали. Веди его в баню, Белан.

Глава 5

Бабка Пороша, сухонькая, жилистая, подвижная, напомнила Ольхе ее родную бабушку. Слезинка грусти скатилась из глаз. Такая же заботливая и всюду успевающая, она вывела у Ольхи все, что было промеж и ней и Бером и, хорошенько пропарив в бане, обрядила в белый наряд из льняной ткани, которую Ольга раньше и не видела. Длинная рубаха из тонкой ткани уютно обволокла ее распаренное тело, словно лаская. Поверх рубахи надели юбку с сине-красным узором с широким пояском, плетеным из бечевы. Надет был и жилет из такой же толстой ткани, как и юбка и такой же раскраски.

– Это из козьего пуха сделано, доченька. Наши бабы такие из него узоры вывязывают! Вот и тебе впору все пришлось! Красавица! – Лопотала бабка Пороша, повязывая ее голову узорчатым платком. – А это я тебе завтра надену!

В руках у бабки была шапочка с ленточками для подвязки на лбу. В точности такая, какая сидела и на голове бабки.

– У нас заведено так, что девка, бабой ставшая, волос свой долгий режет коротко и голову такой вот штуковиной покрывает. У вас иначе? Тоже так? Тогда и сгодится! – Хитро подмигнула Ольхе. – Вот, сапожки надень.

Она протянула Ольхе пару красных сапожек из тонкой козьей кожи.

– Наши мужики наловчились такие тачать! Загляденье! И подошва тройная! Сносу не будет! – Нахваливала Пороша. – Надевай. Чисто – невеста!

Действительно, новое одеяние так украсило девушку и так подчеркнуло все ее прелести, что даже бабкины дочери глазищи вылупили на нее в восторге.

– Прими, бабушка, мое прежнее одеяние себе в подарок. В следующую зиму греть тебя будет! – Предложила Оляха. – Мне его в дорогу тащить удобства нет.

– Погодь, девка! – Остановила ее бабка Пороша. – Теперь не тебе одной думать, как быть. Настанет новый день и мужик твой порешает, что да как. Понятно тебе? Аль забыла, зачем следом, как пес верный метнулась? Не красней! Все мы через то идем. И все поначалу от одной мысли краснеем. А потом захлеб счастья просим, ласки мужской. Детишек рожаем от того. Много рожаем. Потому как многого от мужиков и ждем.

Так-то! Пошли уж. Видать, суженого твоего уж и отпарили да принарядили.

– Ты о чем, бабушка?

– О чем надо. Исхор так велел после разговора с Избранником. Радость нам выпала. Женить вас будем. Уж и избу вам освободили на время. Все готово. Коли Исхор говорит, то знает о чем. Он у нас далеко наперед все видит. От того, как сам от Рода к нам из озера пришел, многое может, что простому человеку никогда не смочь. – Пояснила бабка, вы-

тянув Ольху на улицу и увлекая за собой туда, где уже сидели рядышком во главе столов Исхор и Бер. Оба статные, широкоплечие. В белых одеждах местного покроя. Одно отличало Бера – накинута на нем была поверх рубахи жилетка из медвежьей шкуры, от которого ему велено было никогда не избавляться, пока путь свой к Роду не завершит.

Когда Пороша в окружении других баб и девок подвела Ольху к столу, Исхор и Бер поднялись и вышли из-за стола.

– У тебя жених, Исхор, а у меня невеста его. Как рядиться будем? Как их судьбу наладим? – Начиная обрядное действо заговорила Пороша.

– Два голубя в небе, две утки в озере, две мышки в норе. Отчего же порознь Ольхе с Избранным по Белому Свету шастать? Давай Пороша соединим их. Я тебе за то выкуп дам. Вот, глянь, ленты какие! Таких ни у кого боле тут нет. С собой принес, когда к народу явился. Столько лет хранил в память о днях тех... Теперь тебе жалую. Отдашь невесту жениху?!

Бабы и девки, что окружали Порошу заахали, зацокали языками, завистливо и радостно глядя на новую обладательницу этих чудес.

– Зачем мне такое? – Продолжая обряд Пороша. – В дело оно конечно пойдет. Дочерям отдам. Пусть повыображают. Мне – старухе такое ни к чему. Давай новый подарок!

– Хорошо! – Исхор разжал свой могучий кулак и на ладони стал виден резной оберег из незнакомого белого металла

с очень тонкими и дивными узорами. Такое пойдет?

Пороша застыла в восторге. Такого подарка она никак не ожидала. От оберега, которым одаривает сам Исхор-старец и который будет служить добром ее внукам и правнукам, отказаться у нее воли не было.

– Беру! – Громко, чтобы все слышали, заявила Пороша. – Забирай невесту! Верши свод их. Пора уж гостей приглашать отведать всего, что Род нам дозволил иметь на пропитание. Пусть славен будет Он во все времена!

Исхор принял в свою ладонь правую руку Ольхи и подвел ее к Беру.

– Не неволю тебя, Избранный, а только вывести хочу, желаешь ли ты брать в жены девку эту, Ольхой нареченную? Может имеешь что супротив, так и выкладывай здесь при народе честном! – Как велел обычай спросил Исхор. – Тогда вернем ее бабке Пороше и выкуп в обрат затребуем!

– Желаю! – Громко выкрикнул своим могучим голосом Бер. – Еще как желаю!

– Тогда возьми невесту за руку и клятву дайте, что все отныне на двоих делить будете. Радость ли, горе, тяготы ли, счастье ли. Все на двоих! Одно только тебе Избранный в большинстве достается – женка твоя нареченная теперь воли твоей послушная должна быть и чистоту очага семейного блюсти. Коли не пожелает того, можешь прогнать ее из дому или отдать на суд народу. Живите долго и счастливо! – Исхор поочередно обнял и расцеловал молодоженов, а затем

протянул Ольхе круглую булку свежесдобитого ржаного карава. —

— Ломай жена молодая! — Потребовал он. — Себе дели и мужу!

Ольха без большого напряжения отломала кусочек от ароматного карава и остальное протянула Беру. Все присутствующие одобрително зашумели.

— Гляди-ка как! Себе чуть, а Избраннику весь! Вот это женка! Такую век на руках носить надобно! Повезло мужику! — Неслось с разных сторон. А Бер, обняв свою нареченную за плечи, провел ее во главу стола и усадил промеж собой и Исхором.

— Словно и не уходили из дому. — Прошептала Беру на ухо Ольха. — Все, как у нас. Только люди и одежды иные. Все так. Надо же...

— Есть тому причины. Только пока сказать не могу. Верить?

— Верю, любый мой.

После застолья народ толпой проводил молодоженов в приготовленную для них избу. Прежде, чем пустить их за плетень, бросили через него курицу с петухом. Затем завели во двор козу с козой и щенка малого, который, как только молодые ступили за плетень, подбежал к Беру и стал с писком тереться о его сапог.

— Быть счастьем вашему! — Заверила Пороша. — Щенок не всякого хозяином зараз представит. Друга ты верного об-

рел, Избранный. Ну, ночуйте, не будем мешать вам. Все по домам! А ты куда?!

Пороша поймала за шиворот, пытавшегося проскользнуть за плетень Тонора.

– Думаешь, Избранный без тебя с мужицким делом не справится? Куда летишь, окаянный. В такую избу ныне никому ходу нет!

– Не в избу я! – Заявил Тонор. – Клятву дал о верной службе и обещал завсегда у порога его верным псом лежать! Сполнять должен! Потому и прихватил с собой кое-чего, чтобы укрыться на ночь от холоду. – Он показал рулон, в которые были свернуты две козьи шкуры. – Да и приоделся с лишком.

Действительно, тряпья на себя Тонор напялил сверх надобности.

– Ладно уж. – Смягчилась Пороша. – Коль клятву дал, иди. Заодно и щенка пригрей.

Вскоре народ разошелся, а Тонор, расстелив одну козью шкуру и укрывшись, как сумел, под ругой, прижал к себе щенка, ласково поглаживая по нежной шерстке и приговаривая:

– Дружок ты мой новый! Хороший песик.

Так и уснул незаметно. Эта была его первая за долгое время ночь, когда не нужно было беспокоиться о своей безопасности, а просто отдаться власти сладких сновидений.

Три дня пролетели незаметно для двух горячо влюбленных друг в друга молодоженов. Сколько нового узнали о каждом! Особенно нравилось Бери, когда Ольга засыпала у него на плече и уткнувшись своим носиком тихо-тихо дышала. Так тихо, что порой прислушивался, а дышит ли вообще. Не придавил ли невзначай. Любил гладить ее головку с обреченными по-бабьи волосами. Косу решил сохранить. Знатная коса! До колен доросла. Пусть памятью о младости его избранницы останется. Душу погрееет.

На четвертый день с утречка постучался Исхор.

– Не мое то дело, сынок, только так тебе скажу: на важный путь тебя твой народ поставил, большое дело поручил, потому и исполнять бы его надо непрестанно. Сроки никто не ставил, но никто и не сказал тебе, как знаю сам, что можешь тянуть с приходом к Роду Великому в свое удовольствие. Не пора ли дальше шагать? Еще скажу: много дней и не одна весна минует, пока дойдешь до цели. Так и задумано нашим Великим Родителем. Хочет он, чтобы каждый пришедший новых знаний и навыков добыл в пути, пока объявится. По тому и судить будет о задачах твоих впереди.

– Готов я, Исхор! Перекусим после сна, да и двинемся в путь втроем. – Бодро ответил Бер.

– Втроем и двигайте. Только Ольху здесь бы оставил. Обещаю присмотреть, чтобы никто ей обид не учинил. Будет в дочках у меня. Пока весточку о себе не дашь, где искать тебя, или сам не объявишься за ней.

– Считать разучился, Исхор? Двое нас без Ольхи. Я да Тонор. Откуда третий?

– У тебя со счетом нелады. А щенок, которого Тонор на груди греет, что тебе от нас в дар дан? Он его Дружком обозвал. Не будешь перечить?

– Ольху спросить бы надо... – Нерешительно произнес Бер.

– Забыл о клятве? Она вершить должна все то, что ты востребуешь. У нее право на совет, коль спросишь таковой. Иного ей не дано. Сама схотела! – Твердо заявил Исхор. – Решай! Коли потащишь за собой, будет ей много мучений, когда на сносях в какую беду попадете. Можешь и первенца потерять зазря. Нужно тебе?

– Откуда ему взяться? Всего три дня вместе и побыли... – Неуверенно возразил Бер.

– Забыл, с кем говоришь? Я слов по ветру не шлю! Оставь бабу здесь. А за сыном и женой, когда все исполнишь, вертайся. Ждать тебя будут. И я тоже... Тебе в лес вертаться нельзя. Сюда можно! Все понял?

– Чего не понять? Пойду, обниму на прощанье. Ты уж, Исхор, попридержи ее в дому, пока не скроемся с глаз. Не хочу слезы вслед. Не навсегда расстаемся. Вернусь, знать, коли ты пророчишь.

– Попридержу. – Пообещал Исхор. – А слова мои за пророчество не держи. Сам к возврату стремись. Просто подумал вслух...

Простившись с Ольхой и Исхором, Бер окликнул Тоно-
ра, беседовавшего о чем-то своем со щенком, который жад-
но рыча, старался оторвать кусок мяса от протянутого ему
мосла.

– В путь нам время! Пошли уж! Исполни́й клятву свою!

Глава 6

Ближе к полудню десятого дня долина, постепенно менявшая свою яркую зелень на желтовато-серые всплески полуплешей, совсем преобразилась. Неглубокая река, которая серой линией очертила границы степи, словно разделила мир на две разные половинки. Теперь наоборот зелень рисовалась редкими пятнами, а кусты и совсем пропали. Только редкие каменные холмы вздымали свои хребтины. И те были какие-то странные. Словно слоеные пироги. Отщипнешь одну плитку, а под ней другая в точь такая. Часто попадались глубокие рвы, в которых хоронилась разная живность. В одном из таких оврагов, когда путники решили отдохнуть в тени и перекусить, Дружок вздыбил шерсть и зарычал, чуя какую-то опасность. Бер замер на месте и втянул воздух ноздрями. Незнакомый запах, напоминавший запах самого Дружка, но более резкий ударил в ноздри. Бер подал знак Тоноро, чтобы изготовил дротик, который он доверил ему, а сам, вооружившись луком шагнул в колючие заросли плетущегося растения, откуда и уловил знакомый запах. В большой норе, более похожей на малую пещеру, прижавшись боками, сидели три щенка, величиной чуть поменьше Дружка. Щенки с опаской озирали незнакомца и не издавали ни звука. В то же время Бер ощущал, что тут должен быть еще один зверь, более крупный и сильный.

— Это волки. — Подсказал подошедший Тонор. Они иногда и в нашу долину как-то добираются. Тогда много беды наделают. Две козы утащат, а десяток себе в удовольствие задерут. Давай убьем этих. Меньше зла будет.

— Хуже зверей станем, коли с детенышей спрос за дела матерых чинить будем. Пусть живут. А нам лучше идти своей дорогой. Видать, мамка их ненадолго оставила. Скоро обернется. Вот тогда придется кровь проливать. Стоит ли чинить то? Пошли.

Когда Бер с Тонором выбирались из оврага, вслед им несся рык возвратившейся к логову волчицы. Она почуяла, что кто-то побывал у ее жилища, потому на всякий случай известила, что готова встать на смерть перед тем, кто будет покушаться на него.

Два клуба пыли быстро двигались в их сторону. Один малой, а другой раза в три больше. Стало заметно во весь опор скачущих всадников. Явно, те, которых больше, гнались за меньшим отрядом. И не просто гнались, а периодически пуляли стрелы. Гонимые, те то же делали в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.